Теоретическая легитимация единства государства и церкви, права и православия в юриспруденции (Б.Н. Чичерин – П.С. Новгородцев)

«Theoretical legitimization of the unity of Church and state, law and Orthodoxy in law (Boris Chicherin – Pavel Novgorodtsev)»

Дидык Марина Александровна,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры исторической
куль-турологии, факультета философии
и культурологии,
Южный федеральный университет

Didyk Marina Alexandrovna,
the candidate of philosophic sciences,
the senior lecturer of the chair
of historical cultural science
of the faculty of philosophy
and culturology,
the Southern Federal University

Государственно-конфессиональные отношения в современной России – не менее актуальная проблематика, чем вопросы стыковки ислама, христианства и чисто светских ориентаций в современной Европе. Но есть и важное различие: в России нет той остроты в отношениях, которая разделяет две основные традиционные конфессии между собою и их обеих с практикой модернизации и модерна, секуляризации и секулярности. Стоило только православию, а конкретно Московскому патриархату после 1988-1991 гг. войти фактически в разной степени оформленные правовые отношения с обществом и государством (этот процесс затронул также ислам и другие конфессии), как факт прежней, дореволюционной проясненности и урегулированности в России государственно-конфессиональных отношений (при приоритете православия), а также их целостного концептуального осмысления в религиозно-философски-юридической форме во второй половине XIX – начале XX вв. просто стал выходить наружу как важнейшая потенция и набирающая мощное «ценообразование» (термин М.К. Петрова) реалия общественно-исторической жизни.

Далее речь пойдет о научной школе юриспруденции в Московском университете второй половины XIX – начала XX вв., базированной на идеях почвенного «русского либерализма» [1, с. 21 – 40], а мировоззренчески и научно на христианской философии права, представленной в трудах Б.Н. Чичерина и П.С. Новгородцева [2].

Для Б.Н. Чичерина религия и право, по сути, две стороны «общежития» человека, как «союза разумно-свободных существ», содержание которого обусловлено «сознанием абсолютных начал». Именно эти две стороны, два элемента последовательно отражают специфику общего (религия) и личного (право) принципов существования человеческого общежития, где религия (без которой не существует ни одно общество) «управляется нравственным законом» и «связывает человека не только со всем человечеством, настоящим, прошедшим и будущим, но и с самим Божеством», а право (связанное с нравственностью) есть «совместное существование свободы под общим законом», «область личной воли, где господствуют личные цели», «идеальное требование во имя идеального принципа» [3, с. 141, 142].

Понимая религию как «стремление к живому общению с абсолютным», характерное для человеческого духа вообще, Б.Н. Чичерин, с одной стороны, показывает универсальную всеобщность ее смыслового ядра [4], а с другой стороны, универсальную уникальность христианской экспозиции. Христианство в отличии от всех других религиозных программ представило в истории и культуре новый образец, где основу всей религии составила «идея духовной жертвы»: «Христос принес себя в жертву за все человечество, и всякий в него верующий обязан быть готовым подражать его примеру» [3, с. 200]. Фактически у Б.Н. Чичерина тема православия поглощается темой христианства, которое мыслится как вторая историческая ступень цивилизационного развития человечества, реализованная как на Западе, так и в России в середине века (собственно в эпоху феодализма и вотчинного строя как вариантов «гражданского общества»). Новое время – это двойственный процесс политизации и либерализации общественной жизни, выхода на сцену

истории государства в его абсолютистской, затем правовой (либеральной) формах. Христианству в прежнем смысле слова места не остается: оно цивилизуется, социализируется, а с другой стороны, окончательно оказывается делом личной веры и разумения. Б.Н. Чичерин твердо стоял на рационалистической позиции, считая, что «религиозное чувство, по самой своей природе, есть чувство, проникнутое разумом» [3, с. 193], тем самым не принимая роли мистического постижения истины, характерное, например, для мировоззрения В.С. Соловьева.

Русский правовед П.И. Новгородцев высоко оценивал правовые идеи «государственной школы» и вместе с тем философско-правовые идеи Вл. Соловьева, как неоцененный вклад в юридическую науку. После долгих трудов по обоснованию права [5] в нравственном контексте – он все же ответил не только Б.Н. Чичерину, но и В.С. Соловьеву в отношении именно православия [6]. Вопрос о корнях правовой системы, по П.И. Новгородцеву, имеет религиозные основания. По сути, правда, правильный выбор, свободная воля, нравственный порядок, добро, благо, любовь – все это представляет фундамент правовой системы. Подходя к вопросу с идеалистических позиций [7], П.И. Новгородцев вел линию обоснования связи права с нравственностью, как двумя главными силами «обуздывающими произвол человеческих страстей, вносящими мир и порядок во взаимные отношения людей и противопоставляющими эгоизму частных стремлений интересы общего блага и требования справедливости». Взятые вместе и подкрепляемые друг другом, эти две силы «выполняют великое призвание – поддерживать самую основу общественности, т.е. ту связь отдельных интересов и стремлений, которая сплачивает людей в одно общее целое» [8, с. 103 – 113].

Следуя органицистскому принципу мировосприятия, П.И. Новгородцев указывал на особую роль русского (православного) духа [9] в мировом правовом организме, резко отличного от западного (католицистского, протестантистского) правового самосознания. Это выводит типологию права на уровень национально-региональной географичности и религиозно-конфессиональной теологичности в контексте исторического развития.

В развитии западноевропейского правового организма легко обнаруживается историческая многоликость осмысления права (например, древнегреческое право – «философия права сократовской школы», право средневековой Европы – «учение о праве Фомы Аквината», новое время – «Дух законов» Монтеня, «Общественный договор» Руссо, «Метафизические основные начала о праве» Канта, «Философия права» Гегеля, имеют отличительные особенности), но круг идей, в сущности, остается тем же. Русская философия права, как бы возвышается над «идеей права», «идеей законности», «идеей государства», осмысленных и представленных на западноевропейской почве. Она занимает особое положение, знаменующееся «русским духом», духом православной веры, русского православного сознания, основанном на «принципе взаимной любви всех во Христе» [10]. Причем именно к любви, к ее особенному пониманию и созерцанию русским православным сознанием обращается П.С. Новгородцев, выделяя из конфессионального христианства.

Другими словами, описывая реализацию основного христианского принципа, П.С. Новгородцев характеризует специфику католического, протестантского и православного правосознания [12] и приходит к выводу, что в католицизме действует юридическое понимание христианства, в протестантизме – этическое, а в православном сознании – «религиозно-мистическое понимание христианства» [13, с. 8 – 9]. А следовательно, и католическое и протестантское христианство, как западноевропейские ветви религиозности, сугубо гуманистично и приземленно-обыденно. Такое мирское существование, по сути утратившее сакральные смыслы, лишено надежды. Бог, Божья благодать, истинная любовь, истинная Церковь – «корень всего» и «оторванные от этого корня все человеческие мысли и дела становятся бессильными и бесплодными» [13, с. 14]. Другое дело православное, «восточное, азиатское решение религиозной задачи», характеризующееся такими свойствами русского благочестия и Богопочитания, как: «созерцательность, смирение, душевная простота, радость о Господе, потребность внешнего выражения религиозного чувства, чаяние Царства Божия». Все это разрывает замкнутость привычного обыденного осознания своего существования (со всем спектром потребностного удовлетворения) и выпускает в сферу настоящей абсолютной свободы и надежды о вечной справедливости, милости и любви.

Таким образом, русская идея, русская душа в отличие от западного взгляда концентрируется не на конституции, а на религии, не на государстве, а на церкви. Другими словами, главная цель культуры определяется внутренней духовной сущностью. Отметив философско-правовые труды Б.Н. Чичерина («Философия права») и Вл. Соловьева («Оправдание добра»), в которых «выразился национальный дух русского народа», Новгородцев П. С. не остался безучастным и к идеям западников и славянофилов, но считал, что именно Ф.М. Достоевскому выпало на долю «представить русскую идею в ее подлинной сущности» [13, с. 373]. Будучи православным христианином, П.И. Новгородцев достаточно глубоко воспринимал Вл. Соловьева как философа истории и как философа права [14], но не мог согласиться с предлагаемым универсализмом,

с идеей соединения христианских церквей, теократической идеей. Так же не все идеи Б.Н. Чичерина были им приняты и одобрены, но это не повлияло на высокую оценку его значительного вклада в науку, как «живого источника мысли», как «ободряющего нравственного примера», проникнутого «глубокой верой в озаряющую силу истин».

Подводя итог, можно сказать, что возможно такое русское православное созерцание, представленное своеобразным синтезом в русской региональной философии права, открывает путь к решению проблемы цивилизационной совместимости и дополнительности в социокультурном пространстве права и православия.

Литература и комментарии

1. См.: *Ерыгин А.Н.* Традиционная и модернизирующаяся Россия в философии истории русского либерализма: (К.Д. Кавелин, С.М. Соловьёв, Б.Н. Чичерин). – Ростов-н/Д., 2004.

2. С Московским университетом они были связаны и студенческой подготовкой, и защитой диссертаций, и преподаванием (в 60-е гг. – Б.Н. Чичерин, а с 1888 по 1911 – П.С. Новгородцев).

3. *Чичерин Б.Н.* Наука и религия. – М.: «Республика», 1999.

4. На всех этапах человеческой истории и в разных культурах человек искал Бога и получал в нем удовлетворение. «Это – всемирный факт, который указывает на искони присущую человеку потребность общения с Высшим Существом» [3, 189].

5. Правовая система, и в первую очередь, идея права (причем в естественной форме) оказалась центральной и системообразующей, в общем научном замысле русского философа-правоведа. Правда, в отличие от позитивистского взгляда на сущность естественного права, понимаемого как некоторые первоначальные нормы, «закрепленные в результате общественного договора и образования государства», взгляды П.С. Новгородцева были несколько иными, направленными на осмысление права личности, в контексте ее нравственной природы.

6. Православное учение П.И. Новгородцев рассматривал не только как «учение о силе взаимной любви во Христе», но главное, как «учение о свободе во Христе». См.: Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания / Православие и культура // Сборник религиозно-философских статей. Под ред. Проф. В.В. Зеньковского. «Русская книга». Берлин. 1923. С. 14.

7. Самой эпохе позитивизма он противопоставил идеалистическую философию в лице, прежде всего, В.С. Соловьева и Б.Н. Чичерина. См.: Новгородцев П.И. Предисловие. / Проблемы идеализма // Сборник статей. Под ред. П.И. Новгородцева. Издание Московского психологического общества. 1902.

8. *Новгородцев П.И.* Право и нравственность / П.И. Новгородцев. // Правоведение. 1995. № 6. С. 103 – 113.

9. П.И. Новгородцев пишет: «Русское православие, сколько ни носит оно национальный отпечаток, главную силу свою полагает в своей верности Божественной своей первооснове и первоначальным апостольским и святоотеческим учениям. Оно полагает, что существо его определяется прежде всего его соответствием с его вечной и всеобщей основой и что самая ценная особенность русского религиозного сознания заключается именно в том, что ему суждено было всего чище сохранить дух Христова учения». См.: Новгородцев П.И. Существо русского православного сознания / Православие и культура // Сборник религиозно-философских статей. Под ред. проф. В.В. Зеньковского. «Русская книга». Берлин. 1923. С. 8.

10. Там же. С. 9.

11. «Во всех христианских исповеданиях заповедь любви является основной и определяющей, – без этого они и не были бы христианскими. Но в то время, как в других исповеданиях, особенно в протестантском, проявляется склонность придавать этой заповеди скорее моральный характер, в православии она получает подлинный религиозно-мистический смысл». Там же. С. 10.

12. В отношении православного правосознания, интересные мысли были высказаны В.Ю. Даренским на международной научной конференции по философии права в Санкт-Петербурге (2007 г.). «П.И. Новгородцев, – пишет Даренский – как нам представляется, совершил принципиальный шаг в понимании процессов рецепции (и отторжения) западноевропейского правового сознания в странах «православной цивилизации», наиболее показательной из которых в этом отношении является Россия. Суть этого шага состоит в том, что если как славянофилы, так и их противники указывали лишь на отсутствие здесь правосознания в западноевропейском смысле слова, то П.И. Новгородцев указал также и на то, что здесь имело место правосознание принципиально иного типа». См.: Даренский В.Ю. Концепция православного правосознания П.И. Новгородцева и ее эвристическое значение // Философия права в России. Материалы международной научной конференции. СПб., 2007. С. 37.

13. *Новгородцев П.И.* Сочинения. М.: «Раритет» 1995. Перевод с нем. А.К. Судакова.

14. Интересный анализ был проделан игуменом Вениамином (Новиком) в отношении творческих идей Владимира Соловьева, в контексте «социального измерение духовности». Игумен Вениамин (Новик) пишет: «Соловьёв выступал против псевдоаскетического отрицания необходимости юридических принципов в социуме. Соловьёв различает внутриличностную христианскую этику всепрощения, и этику христианской ответственности за других. Он серьезно задумался о том, что такое христианская духовность в социальной сфере и начал, по сути дела, в одиночку создавать то, что в западном богословии называется социальной этикой. Важно, что она у него онтологична, а не психологична». См.: Игумен Вениамин (Новик). Владимир Соловьев: социальное измерение духовности // Вестник РСХД. № 182 (I), 2001 г.